

18+

НИКОЛАЙ ШМУРАТОВ

СБОРНИК РАССКАЗОВ

РАССКАЗЫ РАЗНЫХ ЖАНРОВ

Николай Шмуратов

Сборник рассказов.

Рассказы разных жанров

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50175294

ISBN 9785449811868

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Рассказы Шмуратова Николая с 2003 по 2013 год включительно. Собраны со всех источников. Произведения в большинстве своем с уклоном в философию, поиск смысла жизни и познание самых глубин своей души. Даже в самом тёмном можно найти достаточно света для того, чтобы изменить это тёмное. И даже в самом светлом есть что-то тёмное. Тёмное нужно увидеть, принять и только одним принятием изменить в светлое.

Содержание

Звёздный свет на ладонях Лирика	5
Грань одиночества	5
Любовь едина	14
Узора милого не зачеркнуть	23
Мыслитель и Задумчивость	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Сборник рассказов

Рассказы разных жанров

Николай Шмуратов

© Николай Шмуратов, 2020

ISBN 978-5-4498-1186-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Звёздный свет на ладонях Лирика

Грань одиночества

Не люблю смотреть в окна.

Не люблю смотреть, как по окну бьют соленые капли дождя, испещряющие прозрачное стекло длинными мокрыми бороздками.

Не люблю ощущать себя в клетке. В клетке квартиры с одним единственным выходом – через это самое окно. Дверь? Нет. Это вход, но никак не выход.

А окно – это выход... Окно в мир... Окно в никуда...

Не люблю смотреть в окна.

Потому что боюсь, что когда-нибудь придется уходить.

На кухне зашипел чайник.

Паренек очнулся и взглянул на часы. Остался час до занятий в школе, на которые он постоянно опаздывал. Ну и пусть, все равно никто не заметит, кроме нервной Марьи Петровны, учительницы литературы.

Да, он любил ее занятия, он был прилежен и трудолюбив. Он любил литературу и поэзию. Любил, потому что сам писал стихи.

Писал от безысходности.

Кружка обжигала ладонь. Чай с мятой дарил минутное наслаждение, отчего мысли в голове прочищались, становились по полочкам, освобождая разум для мимолетных мгновений радости и счастья.

Только мгновений, пока не кончится чай.

Записка на тумбочке для матери: «Обед в холодильнике. Приду только к вечеру».

Она работала в фирме, в ночную смену. И не стоило попадаться ей на глаза, когда она приходила: все еще болела рука, за которую мама вцепилась вчера, пытаясь выведать у оболтуса-сына, где он болтался до восьми вечера.

Не говорить же ей, что все это время он провел в парке, на маленькой лавочке у небольшого пруда, сочиняя стихи.

Быстро одевшись и накинув на плечо рюкзак, он вышел, закрыв пудовую дверь, которую ненавидел до безумия. Кто их придумал, двери? Кто сделал так, что через них можно не только входить?

Ответа он не находил уже который год.

Глубоко вздохнув, он побежал по лестнице на улицу. Торопился в школу, становившуюся для него тюрьмой на долгие четыре часа...

Он опять опоздал.

Учительница повернулась к нему от доски, чтобы в который уже раз сделать замечание.

Он пропустил ее слова мимо ушей. Быстрым шагом пройдя вглубь класса под улюлюканья одноклассников, он сел на самую дальнюю парту. Его парту уже которую четверть.

Марья Петровна что-то еще сказала в его адрес. Она знала, что это бесполезно. И все наказания, про которые она говорила каждый урок, так и оставались неисполненными. Быть может потому, что паренек, которого звали Мишей, был ее любимым учеником.

На черной доске дотошно белым мелом были выведены дата и слово: «Сочинение».

Миша об этом прекрасно знал – он еще вчера слышал от девчонок из параллельного класса, что им зададут. На вольную тему, кстати.

И, похоже, Миша был единственным, кто написал это сочинение заранее.

Он не слушал, как учительница объясняла требования к написанию – Миша все знал и без того прекрасно. Не слушал, как его работы она ставила в пример другим ученикам и говорила, как именно надо писать.

И что? Почему же она просит писать так, как надо? Шаблон, стереотип? Зачем?

Он этого не понимал.

За окном свистел ветер, но Миша и ухом не повел.
Нет, я не буду смотреть в окна. Никогда.

Прозвенел звонок – ребята собирались на следующий урок, а Миша сидел на своем месте, чиркая что-то на двойном листочке. Собрав тетрадки, он пошел прямо к учительскому столу. Марья Петровна выводила красной ручкой в классном журнале.

Миша сложил листочек и положил его на изголовье стола. Учительница заметила и удивленно на него взглянула.

Взглянула только для того, чтобы через несколько секунд снова уткнуться в журнал, ставший для нее сейчас самым важным предметом в жизни.

Паренек пожал плечи и вышел.

Впереди еще несколько часов заточения.

А после – лишь вечность...

На следующий день парта, за которой он сидел, пустовала.

Никто не обратил на это ровным счетом никакого внимания – кому был нужен этот курносый паренек с вечно печальными глазами?

Ученики нехотя сдавали работы. Кто-то и не сдавал, но Марья Петровна даже не интересовалась, почему не было выполнено домашнее задание. Она лишь понуря голову стояла перед классом, комкая в морщинистых ладонях листочек, на котором проглядывал красивый почерк.

– Класс, успокойтесь, – негромко сказала учительница, но ребята сразу умолкли, будто на них кричал сам директор. Они никогда не слышали, чтобы она говорила таким голосом. – Вчера ваш одноклассник, Миша Нещенко, первым сдал сочинение на вольную тему. И мне бы хотелось прочитать его...

Поднялся шум.

– Тихо, – прикрикнула она. – Я вам его прочитаю, чтобы вы знали, что такое... настоящее сочинение. И я даже знаю, что никто из вас не напишет лучше. Слушайте.

Класс умолк – еще бы не радоваться такой перспективе прослушать все сорок минут какую-то работу какого-то Миши! Лишь бы ничего не делать.

Марья Петровна дрожащими пальцами раскрыла работу и начала читать... На титульной странице было написано: «Грань одиночества».

«Что такое одиночество? Какое оно? Кого первым оно сделало своим рабом, заточив в себе все лучшее, что есть в том человеке, изменяя его так, как не сможет изменить ни время, ни болезни, ни что-либо иное?»

Одиночество. То, чего боялись великие люди прошлого. Александр Македонский, преданный всеми его соратниками, Наполеон Бонапарт, который провел свои последние годы жизни один, на острове Святой Елены. Цезарь, Ганнибал, Жанна Д'Арк, Эйнштейн, Гитлер, Коперник... Их судь-

ба – судьба одиночества, которое поглотило их без остатка, пожравшее их сердце, оставляя вместо нее тупую, ноющую пустоту в груди. Но что же сравнивать себя, простого подростка, с ними, с некогда величайшими людьми прошлого? Чем же я похож на них? И я знаю ответ – я страдаю одиночеством, этой болезнью, так же, как страдали и они.

Вы меня спросите: «Да что ты, глупый Миша, знаешь о том, как быть одному?»

И на это я тоже знаю ответ...

Да, я знаю.

Вы даже не представляете себе, какого это. Как это просыпаться каждое утро под вой будильника и знать, что и этот день ты проведешь один-одинешенек. Как ложиться спать и в течение часа не засыпать, чувствуя полную твою ненужность этому черствому миру, в котором не нашлось места именно тебе. Не представляете, потому что вы не ходите одни каждый день в один и тот же парк после занятий, чтобы провести все время до заката солнца на обклеенной жвачкой и изрезанной ножами скамейке в обществе глухих и тихих старушек. И вы не сочиняете стихи, которые в пору только сложить в гроб усопшему, готовому к погребению.

Вы не знаете, а я знаю.

Знаю, что такое быть одному в квартире.

Знать и понимать, что ты – ненужная обуза своим родителям и родственникам, которые только и ждут момента, как бы от тебя избавиться.

Понимать, что ты один среди многих.

Один среди своих же сверстников, которые только и могут, что насмеяться над тем, кого они не понимают и не хотят понимать, что более верно.

Один среди взрослых, которые только обматерят или глупо кинут что-то вслед моей промелькнувшей тени.

И одиночество заставляет меня писать. Да, мои стихи называли стихами неврастеника и умалишенного, ибо они полны мечтами о лучшем, но они написаны тонами смерти и печали.

Называли, не вникая в суть того, почему же они были написаны.

Банальный стихоплет, графоман – самое простое, чем они, поэты одного клуба, который я посещаю с усердным упорством который месяц, меня нарекали.

Вы думаете, что я жалуюсь на свою жизнь? Думайте, как хотите, но это неправда. Я знаю, что это – МОЙ удел.

Быть одиноким – это удел немногих. Он или закаляет, или убивает. Меня он убивает, понемногу. Часть за частью, но я теряю себя в этом мире, начинаю забывать, зачем я создан и живу. Я потерял для всех, и, чему боюсь признаться даже самому себе, потерял свое Я. Его уже нет. Я перестал быть личностью, потому что не понимаю, как личность может быть одинокой.

Я перешагнул ту грань, разделяющую мир. Я перешагнул Грань Одиночества, к которой, вольно или невольно, стре-

мился всю жизнь.

И, быть может, там я найду покой.

Найду себя.

Найду мир, в котором слово «Одиночество» только пустой звук»

Марья Петровна, тихо плача, убрала сочинение.

Класс молчал...

А в вечерних городских новостях коротко оповестили об очередном самоубийце, бросившемся из окна девятого этажа. И город потрясла эта новость...

...Через несколько дней лишь только учительница пришла к надгробию своего бывшего ученика, чтобы положить на черный камень плиты букет белых гвоздик и листок с сочинением.

Вместе с стихотворением, которое она получила по почте от Миши:

...Я полечу, как птица в небе,

И не утешит чувства длань.

Познаю я, один на свете.

То одиночество. Ту Грань...

– Да, сынок, ты знаешь, что такое – быть одному. Дай бог, чтобы ты нашел то, о чем так сильно мечтал, – тихо сказала

учительница Мария, поворачиваясь спиной к портрету паренька.

И показалось, что на его лице промелькнула улыбка.

(с) 13.02.05

Любовь едина

... – Доброе утро, дорогие слушатели! Сегодня двадцать пятое марта, восемь часов, и я, Ди-джей Трут, приветствую вас на волнах...

Помехи помешали узнать название радиостанции, что так бесцеремонно завопила в столь ранний час. Через несколько секунд провод магнитолы был грубо выдернут из розетки и кинут на пол.

Парень, незадолго до этого мирно спавший в постели, со стоном присел на кровать, поёрзался и оглядел еще не до конца проснувшимися глазами комнату.

Было холодно. Форточка ритмично билась о стенку, пропуская в помещение свежий, морозный воздух.

Быстро встав с кровати, парень нашарил на спинке стоящего напротив стула футболку и шорты. Небрежно накинув на себя одежду, он наклонился и вытащил из-под кровати пульт от телевизора.

Пощелкивая кнопками, нашел канал, где виднелся циферблат часов.

Восемь часов? Нет, надо обязательно купить будильник – опять проспал. Ладно, что хоть на полчаса.

Выключив монитор, паренек вышел из спальни, затем направился в сторону ванной комнаты. Отпихнув не кстати подвернувшегося под ноги кота, при этом чуть не упав, он

тихо ругнулся, но верного чувство направления не потерял... Спустя несколько мгновений послышался шелест водного потока, а позже – гулкий стон закрывающейся двери. Конечно, усатый портрет какого-то дядьки уже в который раз упал со стенки, но рама картины разваливаться никак не желала. Отчего Иван порой расстраивался – так и хотелось выбросить изображение чудо-брата отца, который воевал в Афганистане, после получив медаль за Отвагу. Но что ж поделаешь – покойных не судят.

Сполоснувшись под струями холодной воды, паренек по имени Иван уже бодрым вернулся в комнату, заправил постель, вытащил из шкафа, что пристроился рядом с дверью, белый костюм, из которого проглядывала черная рубашка. Галстука не было – он никогда не любил этот вроде бы обязательный атрибут любого мужчины, мнящего себя джентльменом. Вот кто так думает, то пусть и носит. Удавка на шее – велика радость...

Аккуратно держа костюм, Иван пошел в родительскую комнату, где уже со вчерашнего вечера была приготовлена гладильная доска. Сегодня он должен выглядеть с иголки.

Вставив в уши наушники от сиди-плеера, он нажал кнопку Play. В ушах зажурчала мелодичная трель виолончели, постепенно переходящая в ритмичный рок. Апокалиптика. Финские парни не зря едят свой хлеб, или как там у них говорится в стране, ими самими названной Суоми.

Когда утюг соизволил наконец-то разогреться, рука взяла

«механизм», как любит говорить мама, и осторожно провела им по складкам брюк. Ладно хоть гладить научился по-нормальному, себе за это хоть спасибо. А то буду как брат – все за него жена делает.

Дальнейшие полчаса ушли на приготовления себя любимого: побриться, надушиться, пригладить волосы, чтобы они не торчали, как у панка с ирокезом, а выглядели более сносно.

Надев на себя не очень уютный костюм, Иван повертелся перед зеркалом, выискивая недостатки внешности. Нет, вроде бы все нормально. Даже сидит еще вроде бы неплохо – с выпускного не одевал. Эх, деньки же тогда были...

Очередная проблема была со шнуровкой ботинок – сам то он предпочитал ходить все более в кроссовках или кедах. Не любил он эту «ходячую смерть», в которых ступнями и не пошевелить. Ничего, хоть сегодня, но я потерплю. Завтра будет легче...

Разобравшись в хитросплетениях веревок, Иван встал с некоторым усилием, снова взглянул в зеркало в прихожей, подмигнул своему отражению и вышел из квартиры...

...Путь к цветочному магазину он нашел бы и с закрытыми глазами – не проходило и месяца, как он туда не заходил – там работала его сестра. Вот что можно назвать – повезло так повезло! Цветы по полцены – чем не праздник? Хотя меньше всего он думал о деньгах и всяких благах, что

можно на них купить. Но сегодня особенный день, так что в первую очередь дорога была пока одна – в цветочный рай его родственницы.

Минут пятнадцать он провел в том милом уголке, названном «У Алины», выбирая самый красивый и пышный букет. Конечно, сестренка, заядлая торговка, хотела было набить цену – но паренек не отступал. И в конце концов она все же сдалась со счетом один-ноль – доводы о необходимости других покупок были весьма убедительными.

Под теплые напутствия Иван стрелой вылетел из магазинчика, немного радуясь тому, что так быстро смог избавиться от общества старшей сестры. Уж кто-кто, так она заговорить может кого угодно и что угодно... Ладно, не будем о грустном. Вперед...

...Странно, но почему-то поезда метро пришлось ждать немного дольше, чем раньше. Или это просто у меня в голове что-то зажалось? Время тянулось, как резинка от трусов. Вот сравнение! И когда это я стал пошляком!

Ивану даже померещилось, что он увидел до боли знакомую красную легкую весеннюю куртку. Нет, показалось...

Пытаясь выкинуть дурацкие мысли из головы, он и не заметил, как из черноты туннеля вынырнул состав. Фары первого вагона радостно светились ярким светом. Привет тебе, господин. Не соизволите ли прокатить меня?

Усмехнувшись, затем тихо рассмеявшись, парень зашел

в полупустой вагон, устроился в центре, поправил букет ослепительных белых роз. Он их не только выбрал в цвет его «образа». Да и эгоистично это было бы.

Долгие пятнадцать ушли на разглядывание мелькающих огоньков подземных переходов.

Все чаще на него смотрели с удивлением, порой – с легкой ухмылкой на лице, иногда – с неприкрытым презрением. Но последнее главным образом исходило от групп школьников. Они считают, что в радостные дни нет ничего лучше, чем одеться клоуном и щеголять в таких нарядах по округе, шокируя бедных гуляк. Максимализм – опасная штука...

...Эту улицу он знал наизусть – маленькие опрятные домики пристроились по краям от широкой дороги, которая и забыла, какие раньше потоки машин с радостью носились по ее асфальту. И имя соответствующее – «Мирная». Тишь да гладь и красота... Не то, что у него – от шума иногда в ушах звенит.

Маленький прямоугольник дома в конце Мирной – вот его цель.

Созерцать красоту можно и вечно, но в данный момент вечность – не его подруга.

Вход в подъезд приветствовал его пугающей тишиной. Ни звука, будто все домочадцы решили прогуляться по парку, что виднелся неподалеку. Что ж, не к ним же он идет. Да и цветов бы на всех просто-напросто не хватило.

Легко, будто за его спиной выросли крылья, он добежал

до пятого этажа, немного перевел дыхание и позвонил в звонок. Квартира номер двадцать семь... Точно...

Никто не отвечал. Ни одного движения там, за деревянной перегородкой.

Иван настойчиво позвонил еще пару раз.

Тишина.

Он точно знал, что ему должны были открыть. Должны.

Через минуту он позвонил вновь, но ответ был только один.

Никого нет дома.

Пальцы, сжимающие букет, предательски задрожали. Усилием воли Иван заставил себя их не разжать, ведь тогда прекрасные бутоны упадут на камень, рассыпятся десятками нежных лепестков.

Как? Ведь она же знала, что я приду! Не могла не знать. Не могла...

Расстроенный паренек устроился на полу, прислонившись к холодной серой стене. Букет он бережно положил на колени, но колючки роз неприятно дали знать, что с цветами стоит обращаться куда нежнее. Но куда дальше? Куда нежнее? Ведь это просто цветы. Правда, порой и самым красивым и прекрасным необходимо больше нежности.

Больше чувств.

Больше любви.

Он спрашивал себя – что случилось? И не знал, что ответить.

Где он ошибся? Что сделал не так? Почему, если он в чем-то все же не прав, она не дала ему знать?

Вопросы, вопросы... Тысячи вопросов.

Достав из внутреннего кармана пиджака сотовый телефон, паренек нашел номер своей любимой.

Он смотрел на номер ее мобильного и думал, стоит ли звонить или нет?

Может не стоит?

Нет, конечно же стоит! Ведь я ее люблю – и я ей скажу это, даже если она не захочет слушать.

Быть может все из-за той вечеринки в клубе, когда я ей уделял так мало внимания? Может быть.

Может... Но я ей позвоню!

Раздались долгие гудки...

Иван вздохнул с облегчением – значит, хоть телефон не отключила. Иногда она устраивала такого вида бойкот, когда они ссорились. Ссоры по пустякам, все же.

Сняли трубку

У парня невольно защемило сердце. Когда раздался тихий, очень нежный голос, он и не знал, что и сказать. Его переполняли эмоции и чувства. Единственное, что он смог выдать из себя, так это: «Привет, Наташенька».

На том конце провода (хотя провода, конечно, никакого не наблюдалось) замолчали, затем послышались всхлипывания.

Ивана будто окатило холодной водой – он невольно стал

ее утешать. Наташа, услышав его голос, перестала плакать и начала говорить.

С каждым мгновением, секундой и минутой лицо парня все сильнее разглаживалось, на губах трепетала улыбка. Спустя еще некоторое время он уже не мог сдерживать себя и рассмеялся. Рассмеялся так громко, что казалось, будто стены пошли ходуном, уступая накатившей силе.

Девушка на том конце телефона слышала истеричный смех и тоже невольно улыбнулась. Потом уже Иван начал рассказывать взахлеб то, что было именно с ним...

Вот так вот получается.

Кто-то говорит, что противоположности сближаются. Доказано наукой...

Не верьте.

Если нет ничего общего – не будет и любви. Любовь – это нечто большее, чем просто чувство. Это – понимание другого так, как ты понимаешь себя сам. Ты ведешь себя так, как ведет себя она или он.

Тот день был самым прекрасным их днем.

Кто бы мог подумать, что она перепутает сегодняшний день с завтрашним? Его праздник был бы только завтра, двадцать шестого марта, но по воле судьбы она сделала ошибку.

И кто бы мог подумать, что она пойдет к нему, чтобы поздравить его, своего любимого, а он – к ней? И он понял, что

там, в метро, ему не привиделось.

Судьба-злодейка любит игры...

Тот самый день они провели вместе, будто день рождения у них обоих. Так и было на самом деле.

Ведь они – вместе. Они – едины.

Две половинки – и одна душа.

Они любят друг друга. А что может быть лучше?

(С) 25.03.05

Узора милого не зачеркнуть

Что такое любовь? Странно, но ответить вам на этот вопрос мало кто поторопится. Не нужны слова, чтобы объяснить ее, они не важны. Только образы, что рождаются при упоминании любви, только милые твоей душе образы. А что для меня, то любовь – это море. Хочется прыгнуть в него, плыть в аквамариновых волнах заботы, глотать теплую воду нежности... На мгновение подниматься на поверхность ласки, чтобы сделать маленький глоток желания и... Снова уйти под воду, чтобы уже больше никогда не возвращаться. Потому что не захочется... Никогда.

Я стою перед зеркалом – в томном мире зазеркалья вижу свое изможденное, печальное лицо. Можно ли любить свое отражение? Можно ли любить нарисованные пляской света свои черты лица, грустные темные сапфиры глаз, дуги бровей, излом губ? Я не люблю и не пойму тех, кто проводит большую часть своей никчемной жизни перед кандалами самолюбования. Нет внешний уз – я верю только в душу. Пусть она изъедена червями вечной грусти и мук, пусть плети ненависти бьют твое сердце, с каждым разом все сильнее делая замах, пусть все сгнило и умерло на некогда цветущей поляне твоего внутреннего мира, но главное – только душа. Только благодаря ей мы можем чувствовать, мы можем испытывать эмоции. Но в зеркало я не мог видеть этой

души. Нельзя, я думал, в кромках литого стекла заметить мир, что рожден твоими стараниями и светом. Я так думал... до некоторого момента. Пока не полюбил. Ничего в моей душе не осталось, кроме этой странной, призрачной, мистической, но все же любви. Но она заполнила душу мою полностью...

Пальцы скользят по блестящей поверхности зеркала – кем-то запрещено нам входить в тот мир, в мир сказок и грез, перевернутый нашим сознанием, но от этого не ставшим менее желаемым. Пальцы отражения сходятся с моими – привычный холодок мертвого стекла отступает, кажется, что рука в зазеркалье дрожит.

Или просто показалось...

Сзади шорох, скрип кровати и храп, но я не хочу оборачиваться. Устал от повседневности, в которой истина – деньги, секс и власть. Может там, в том мире все наоборот? Может там есть место для моей любви? Здесь, в мире осколков, моя любовь умрет или превратится в некое подобие той любви, что у меня была когда-то. Но то лишь питаемая моим вождением иллюзия, которая подбивала быть не самим собой, а тем, кого хотят видеть, слушать. «Любить». Только истинной значение любви потеряно... Возможно, я его найду. Или может быть уже нашел?

Остается только ждать. Чего? Я промолчу. Буду смотреть в глубь зеркального мира и ждать, когда появится она.

Когда туман легким ситцем накрыл мое отражение, я на-

чинаю улыбаться. Передо мной раскинулась полянка, усеянная невиданными по красоте цветами. Вдали колыхаются высокие деревья, кроны спяют яркой краской молодой зелени. На ковре из лепестков сказочных бутонов сидит девушка, вся в белом шелковом одеянии. Гребешком в правой ладонке она расчесывает длинные, пышные русые локоны. Она улыбается, закрыв глаза.

Я слышу ее голос, поющий на неизвестном мне языке. Только мне его знать не надо – песня о прекрасном и светлом понятна тем сердцам, которые ведают, что такое любовь. Я заморожено вслушиваюсь в переливистый напев, искрящийся добротой и нежностью.

Почему-то я уверен, что она поет для меня. Просто так, просто уверен. Потому что люблю...

Взволнованный лес подпевал ей, птицы летали меж ветвей, пританцовывая в полете.

Я не двигаюсь, боюсь упустить сказку. Я счастлив...

Когда песня закончилась, девушка открыла глаза.

Она посмотрела на меня, моя любовь. Посмотрела на меня – и снова улыбнулась.

Затем прекрасное видение закончилось – опять передо мной отражение, до нельзя счастливое и радостное.

Что ты радуешься? Не ты счастлив, а я. Тебе не понять мои чувства, блеклое подобие меня.

Отойдя со вздохом от зеркала, с грустью осматрива-

юсь вокруг: темная однокомнатная хрущевка навевает боль и страх. Раскладной диван, на котором после бурной ночи мирно спит его сожитель по комнате в обнимку с девушкой. Как обычно, как всегда – почти ни одного вечера не проходит без этого. Надоело... Я не хочу такой жизни...

Вынув из темной глотки большого шкафа ранец, иду в прихожую. Надевая кроссовки, слышу сдавленный хрип:

– Уходишь, Санек? Не забудь на обратном пути купить пива и поесть что-нибудь – в холодильнике пустота, как, впрочем, и у меня в желудке. Окей?

С хрустом сжав зубы я только и произнес, вставая и закидывая за спину ранец:

– Сам покупай, деньги на комоде. Или свою подружку заставь...

Ответом было фырканье. Названная девушка простонала.

Мотнув головой, выскакиваю из квартиры, шумно хлопнув дверью. Взглянув в окошко на лестничной клетке, вздохнул – на небе висели гротескными фигурами черные тучи. Моросил дождик...

Подняв воротник от куртки, выбежал на улицу. Опаздывать на занятия в последнее время стало для меня аксиомой...

Мокрый тротуар чавкал под ногами – дождик, мерзкий осенний дождик все шел и шел. Я люблю дождь, но не слезы этого умирающего мира.

Еле успев залезть в автобус, пристроился в середине сало-

на. Залапанное сотнями рук окно, да еще и мокрое снаружи, почти не давало никакой видимости.

Автобус тронулся, а я, вцепившись обоими руками в холодные поручни, стал размышлять.

У меня давно пропало чувство того, что я болен или сошел с ума. Точно нет – я ходил к психологу, он лишь развел руками и прописал какие-то лекарства. Галлюцинации, говорит он хмуро, пошмыгивая носом. Я лишь улыбаюсь и ухожу, зная, что больше не вернусь. Нет, может быть со мной что-то не так, но это не галлюцинации. Это видения, видения иного мира, прекрасного и желанного, до которого никто не может дотянуться и ощутить. Почти никто. Только вот вопрос: «Почему я?»

Автобус подпрыгнул на колдобине дороги. Я больно прикусил язык...

Почему? Я не знаю, но мне нравилось смотреть на этот мир в отражениях зеркал, лужах на переулке, в налитой в стакан воде. Но потом пришла Она.

Сначала я очень удивился – прекраснее девушки я никогда не видел: так, возможно, выглядели сказочные принцессы, ради которых рыцари совершали подвиги, покоряя сердца возлюбленных. Я не рыцарь. Поэтому я просто наблюдал.

Я никогда ни тогда, ни после не видел на ее лице печаль, грустинку – с ее лица не сходила живая, задумчивая улыбка, которая меня покорила и дарила радость. Не сказать, чтобы я влюбился тогда сразу и бесповоротно – мой здравый рас-

судок отказывался верить в ее существование, отказывался понимать мои особые чувства, питаемые к ней. Но если бы я всю жизнь доверял рассудку и разуму – тогда это бы погубило мои чувства и, возможно, я бы не повстречал ее, милую и кроткую девушку. Ту, которую я после полюбил всем сердцем и душой.

Я всегда плохо спал – часто меня тревожили кошмары, а если их не было – бессонница добивала меня окончательно. Но однажды все изменилось.

Мне снился сон – я стою на прекрасной поляне, мои голые стопы утопают в мягкой скатерти листвы. Я не понимаю сначала, где я. Лишь после нескольких мгновений в мое сердце врывается понимание, что все лишь сон.

В десятке шагах от меня сидит девушка, та самая, что сводит мое сердце в трепетной радости каждый раз, когда я ее вижу или слышу. Она сидит ко мне спиной, видимо, она меня просто не заметила. Я, не двигаясь, смотрю на нее. Я мог бы вечно просто наблюдать за ней, за движением ее рук, ладоней. И восхищаться созерцанием своей любви..

Но вдруг она оборачивается – и я вижу ее радостные голубые глаза, в которых сверкает миллионами огней океан нежности. И от ее взгляда я чувствую, что таю, чувствую, что что-то темное срывается с моих пальцев, падает в траву и от страха убегает восвояси, а в сердце разрастается цветок чувств. Я полюбил ее. Нет, не только за ее внешность – в глазах ее я видел душу, что стремилась к моей, стремилась

подарить мне тепло и уют, стремилась защитить и обогреть.

Она улыбнулась и поманила меня присесть рядом с ней.

Я, судорожно, толи от накотившей радости, толи от сиюминутного страха, сглотнул и маленькими шажками направился к ней, пошатываясь в хмельном бреду.

Она была рядом, на расстоянии шага – я почувствовал пряный запах ее чудных волос. Меня охватило волна счастья. Я так мечтал об этом моменте!

Присев на корточки рядом, я снова взглянул на нее. Боже, как она прекрасна! Я никогда не думал на счет своего идеала, но в тот самый момент понял, что вот он, прямо передо мной: изумительные черты лица, шелк бархатной кожи, тонкий изгиб красных губ... и глаза. Прекрасные глаза цвета неба. И в их взгляд хотелось провалиться, раствориться без остатка.

Я не мог говорить. И я чувствовал, что и ей сложно найти слова. Но, в тот момент я был не прав:

– Здравствуй...

Мое сердце забилося быстрее – этот голос, он... Я и по сей день удивляюсь, что это сон. Не может быть он таким! Нельзя во сне прочувствовать то, что ощутил я, когда услышал ее. Я испытал все светлое и радостное, все чувства, что лучистым светом еще жили в моей душе.

– Здравствуй, – ответил я после длинной паузы.

Она рассмеялась, невольно улыбнулся и я. И стало намного легче...

– Тебе здесь нравится? – спросила она, окидывая взглядом кроны деревьев, что притихли, прислушиваясь к ней.

– Да, очень... Это сказка, невероятная сказка, но здесь я чувствую себя великолепно. Но это место без тебя – ничто. Ты – ее отрада.

Я покраснел, а девушка только еще шире улыбнулась:

– Спасибо, но ты не прав. Это место без тебя – ничто. Это ты – ее отрада. Поляна – отражение твоей души, вечно цветущей и вечно живой. Она создана только для тебя.

– Надеюсь, что ты не отражение? – спохватился я. Ведь это же сон! Просто сон! Но как же хочется верить, что я не прав. Хочется...

Звонкий смех смутил даже ветер, что прекратил баловаться среди сплетений ветвей.

– Нет, я не отражение. Я больше, чем отражение. Но могу заверить, я – настоящая, как ты, как многие другие, – она опустила глаза в высокую траву, что шелестела у подола ее платья. Раздвинув молодую зелень, она подняла веночек из цветов и, протянув руки, одела его мне на голову. В нос ударился дивный букет ароматов. – Отражения не умеют радовать, чувствовать. А я – могу. Иначе бы меня здесь не было.

Она протянула руку и взяла мою ладонь в свою – моя душа распустила крылья. Так мы и сидели, сжав ладони и смотря друг на друга. Слова были не нужны.

А потом я проснулся...

Тот сон я вспоминаю и по сей день, хотя встреча моя с моей возлюбленной была неоднократной и не только на поляне: моря, горные вершины, оазисы. Пейзажи были разные, но все великолепные, величественные. Живые...

В институт я опоздал. Как обычно, в общем... Но это не лекция – на практике первые десять минут не принципиальны.

Преподаватель недовольно отметил в учетной книжке мою фамилию, посмотрел, как я устраиваюсь, и продолжил, поправив очки:

– Что такое чувство и эмоции? Я думаю, что вы все знаете в полной мере, что это такое. Трудно конкретизировать эти два понятия как не совмещая их друг с другом, так и не отделяя. Философия, одной из задач которой является поиск истины, не даст вам в полной мере ответа на этот вопрос. В учебниках, конечно, все написано, только... Можно ли прочитать его и понять, понять и, главное, принять? Трудно сказать. Для всех сидящих здесь эти понятия всегда останутся со своим значением и смыслом, вот именно в чем уникальность человека – он принципиально не принимает чужое мнение, а лишь вырабатывает свое... Вот так и с чувством, что мы называем любовь. Как рассказывать о нем? Что говорить, имея лишь одно это слово?

Преподаватель вздохнул. Саша никогда прежде не видел

его таким... Неспроста.

– Для каждого из нас любовь имеет свое значение. Но важно ли значение, слово, определение? Важно то, что мы понимаем под любовью, какая она для нас, какие эмоции переплетаются в любви. Просто объяснить ее нельзя, да ни у кого не получится. Даже у поэтов и писателей – те только ходя вокруг да около, обличают свои мысли в слова, но даже им неподвластно полностью раскрыть сущность любви, как бы они не старались.

Профессор посмотрел на часы.

– Группа, занятие закончено. На следующем занятии приготовьте выступления по следующим семинарским вопросам...

Саша сидел ни жив ни мертв. Как бы он не любил этого профессора, лысого, плюгавого толстяка, но сегодня он рассказал то, суть чего он пытается постичь уже которую неделю.

Теперь я понял – не стоит искать слова и определение своему чувству, страдать от своей кажущейся недалекости. «Важно то, что мы понимаем под любовью, какая она для нас, какие эмоции переплетаются в любви». Он не будет искать слова – он будет просто чувствовать. Просто любить, просто жить ради любви...

Вернувшись в квартиру, я еще в прихожей почувствовал запах спиртного – вскоре послышался гул бокалов и чьи-то

пьяные выкрики. Мой сожитель все не унимался – получил зарплату, празднует. Который день, в который раз с новыми людьми, совершенно ему незнакомыми.

Скинув одежду, я пробрел в комнату, где сидело он и еще две девушки:

– А-а-а, а вот и он, наш романтик! Знакомьтесь, девушки, это Саня, мы оба снимаем эту комнату. Он приехал из Оренбурга, учится на филологическом факультете, – осоловевшим голосом пропел парень.

– На филологическом? – завереща, пропела девушка, крашенная блондинка. От нее тянула дорогим парфюмом вкупе со стойким запахом перегара. – Пишите?

– Пишет он, пишет. Только никому читать свою поэзию не дает, – махнул рукой сожитель, бухнувшись в кресло вместе с другой девушкой.

– А почему? – спросила блондинка.

Я не стал слушать более их глупые вопросы, взял с книжной полки книгу с заранее вложенной в нее закладкой, устроился на своем любимом стареньком кожаном диване и начал читать. Когда девушка поняла, что я игнорирую ее вопросы, она потеряла сразу весь интерес ко мне и переключилась на сожителя.

Я открыл книгу. Глаза пробежались по строчке: «Осип Эмильевич Мандельштам». Когда я дочитал стихотворение, книга выпала из моих рук, а я невольно стал повторять строчки:

Дано мне тело – что мне делать с ним?
Таким единственным и таким моим?

За радость тихую дышать и жить
Кого, скажите, мне благодарить?

Я и садовник, я же и цветок,
В темнице мира я не одинок.

На стекла вечности уже легло
Мое дыхание, мое тепло.

Запечатлеется на нем узор,
Неузнаваемый до сих пор.

Пушкой мгновения стекает муть —
Узора милого не зачеркнуть.

– Узора милого не зачеркнуть... – повторил я, поднимая
и закрывая книгу.

Я устал от этого мира – мне хочется быть только с ней,
только рядом, любить ее, целовать ее нежные руки. Хочется
в сказку, хоть на миг. Пусть она говорит, что ее мир не совершенен,
но мой мир – он неправилен изначально. Кого благодарить за радость тихую дышать и жить? Этот мир – моя темница. Мне надо освободиться от уз, стать цветком, вырастить себя самому, поливая себя водой светлых чувств к ней.

– Как я люблю тебя, возлюбленная, – произнес я вслух и испугался. Только вот остальным до меня не было никакого дела.

Я люблю так, что мне не важно, какие препятствия буду на моем пути. У меня нет родных и дорогих людей – сирота, от которого желают избавиться опекуны. И все ради денег, которые мне не нужны. Как власть и низкое вожделение, что можно наблюдать прямо сейчас.

Мир неправилен, этот мир. А мир отражений? Да, это мир сказок, где все наши сказки – реальны у них, а их сказки – реальны в нашем мире. Да, мне страшно, но моя любовь выше и шире страха, что я изведу на корню, чтобы мне не стоило. Я хочу быть с тобой, я знаю, что ты тоже этого желаешь, я читаю это по твоим чудным глазам, вижу в каждом мановении твоих рук, в каждом шелесте твоего платья. И я буду с тобой.

Ночью в квартире стояли стоны и жажда похоти. Но мне было все равно – я перечитывал свои стихи, что сочинял только для нее одной и читал только ей. Да, мне было радостно читать ей свои творения, а ей, я чувствую, приятно было их слушать, кладя голову на мое плечо.

Пусть только сон, но я верю в сны.

Лишь поздней ночью я провалился в сновидения...

В комнате было темно – вся мебель пропала, осталось только зеркало, перед которым я стоял. В отражении виделось кресло, на котором я спал. Но... Дано мне тело –

что мне делать с ним? Таким единственным и таким моим? Не знаю, не важно. Тело есть тело, а моя душа – вот она.

Смотрю на руки – они облачены в белые рукава широкого покроя. Я сам весь в белом, но в отражении себя не вижу. И не стоит...

На стекла вечности уже легло мое дыхание, мое тепло.

Я слышу твой голос, поющий о нас. Звуки пронзают меня, как легкий бриз на море.

Ты появляешься в зеркале. Как ты прекрасна! Обнаженные плечи, красивое белое платье. Глаза, что говорят сами за себя.

– Ты прекрасен, – слышу твой голос после песни. Ты улыбаешься.

– Ты прекрасна, – говорю я, улыбаясь в ответ.

– Я люблю тебя, мой возлюбленный, – говорит она, смело протягивая свою ладонь. Она чуть-чуть не дотягивается до зеркальной воды, в которую превратилось стекло.

– Я тоже тебя люблю, – я тяну ладонь навстречу ее ладони. Зеркало заволновалось, будто ветер, играя, прошелся по нем.

Наши пальцы соприкоснулись...

– Мы вместе, навечно, – сказала она, зовя меня к себе.

– Мы вместе, любовь моя. Я люблю тебя, – ответил я, ступая к своей Судьбе, которой стала она, прекрасная принцесса из моих снов.

И, сомкнув ладони, мы пошли навстречу Свету, что заго-

релся там, вдалеке прекрасных снов, снов, которые перестали ими быть. И вьется узор нашей Судьбы, вьется дорогой, по которой идем только мы вдвоем.

Узора милого не зачеркнуть...

(С) 11.06.05

Мыслитель и Задумчивость

Пожилой человек сидел за столом, держась руками за голову.

Безнадежность сковала его, пела свою песнь отчаяния, завораживая нотами усталости.

Несколько лет он терпеливо искал Истину среди потрепанных книг и рукописей, терпеливо размышлял, думал.

Ждал.

Но когда понимание приходит поздно, и ты замечаешь поступь обреченности своих деяний на пороге – тогда ты молчишь в надежде на то, что молчание тебе поможет скрыться, сбежать от затянутых размышлений Ни о Чем.

Но сотни слов, фраз и отголосков в голове. Они сводят с ума

Человек сидел. Он не знал, что делать.

О чем думать?

О чем размышлять?

– Почему все ложно? Почему каноны мыслей завели в тупик, сплетенный годами совершенствования Идеи? Есть ли выход из паутины лжи?

Задумчивость, сестрица познания, скользила рядом. Томный голос нашептал ему:

– Дорога всегда есть, мой Мыслитель. Ты считаешь, что ее надо найти, надо на нее ступить. А так ли это?

– Почему ты называешь меня Мыслителем? Разве я он? Неправда.– человек посмотрел на Задумчивость- Правда то, что я потерял. Я разрушил все пути, что могут вести меня к чему-то иному, к другим мыслям. Поступки совершили акт моего самоуничтожения. Я завлек себя в омут, темный омут Пустых Размышлений. Они не ведут к Истине. Они не ведут совсем... Они не дают мне идти. Я скован.

Разве? – тихо рассмеялась Задумчивость. – Не всегда правду можно считать Правдой. Разве к Истине надо идти? Неужели ты думаешь, Мыслитель, что познание Истины – это дорога наших суждений, что с годами бережно собираются нами, лелеются и хранятся во веки веков? Познание – это не Путь. Познание – это Открытие неведомого. Забудь догмы и правила – открой глаза, что не видят. Слушай же, доселе неслышавший, пойми, доселе непонимающий: Истина – это не конец дороги, истина – это вспышка, что дарит Все.

– Но как? – спросил Он. Задумчивость шелестела рядом с ним, касаясь подолом сострадания его ладоней. – Я – просто человек. Вся жизнь я думаю, ищу Истину, собираю ее по крупичкам из всего, что я могу чувствовать. Разве не поиск Истины не дает покоя человеку? Разве не вся наша жизнь – ее поиск?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.